

Ольга Ромадина

ЯНТАРНЫЙ МЕЧ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Р69

Ромадина, О.

Р69 Янтарный меч / О. Ромадина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 486 с. — (Сказания Дивьей Пустоши).

ISBN 978-5-521-91928-4

Юная Ярина спешит к сестре-чародейке, но дороги коварны, и погоня загоняет ее в проклятый лес на краю древней Пустоши, к дому, который стережет одинокий домовой. В благодарность за спасение, Ярина принимает чужую для неё силу. Теперь ей предстоит защитить лес и его обитателей. Хотя это не так-то просто: местные люди полны ненависти и страха к чужачке, а странный синеглазый колдун подозревает, что Ярина не та, за кого себя выдает. Но человеческая враждебность не так страшна, как грозные тени, бродящие по лесу и янтарный огонь Пустоши, приносящий странные сны.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Ромадина О., 2022
© Василенко М., оформление, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-91928-4

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Держи ведьму. Держи!

Щеку обожгло огнем — по лицу хлестнула ветка. Лес не хотел прятать чужачку, хватал за кожу, дергал за косу.

Коряга как нарочно попалась под ноги. Ярина рухнула, едва сдержав крик. Склон был скользкий, голый, ухватиться не за что, и она покатилась вниз, впиваясь пальцами в мерзлую землю.

Не разбилась чудом! Нелепо распластавшись на дне, попыталась сообразить, где верх, где низ. Но разлеживаться было некогда. Хруст веток и злые голоса раздались совсем рядом. Ее нагоняли!

— Куда делась?

— Не видать!

Единственным спасением был мертвый почерневший куст. Разлапистые ветки торчали из склона. Ярина скрючилась под ними, закрыла голову руками и взмолилась Охранителям. Пусть защитят. Ведь она не сделала ничего! Попросила еды, и только.

На что селяне могли позариться? На ее старую кобылку? На тощую сумку или плохонькую обувь?

Сердце испуганно бухало в груди.

Голоса слышались рядом, но к оврагу преследователи от-
чего-то не подходили.

— Нету никого! — раздалось сверху.

Ярина вздрогнула и сильнее вжалась в землю. За ведьму
ее, что ли, приняли? Но это ж не Вестария, где чародеи до сих
пор хуже нави. Не зря, ох, не зря она избегала сел на пути.
Нельзя было в деревне останавливаться, но после долгой
скачки Ярина с ног валилась от усталости. Дурища! Понадея-
лась, что за звонкую монету пустят на ночлег и не станут рас-
спрашивать, куда спешит одинокая девица. Рассчитывалась
Ярина мелкими медяшками. Кто, на нее глядя, подумал бы,
что в худом кошеле есть чем поживиться?

— В старой дубраве еще бы поискать.

— А успеем? Ночь скоро.

Крики раздавались все дальше.

Ушли. Неужели удалось провести? Даром, что ломилась
через лес напролом, как медведь с болячкой в ухе. Выходит,
проклятушая коряга помогла, хоть едва и не утробила.

Ярина потеряла ноющую ногу. Что делать теперь? Ко-
былка и нехитрый скарб остались поживой для селян. Верная
Марька была в летах: на такой лошади не пахать или по до-
рогам разъезжать — только на живодерню... Все равно
жалко. На скудные сбережения новую не купишь, торговые
обозы здесь не ходят. А пешком до Ольховника не добраться.

Голоса давно стихли, только ветер шевелил обнаженные ветви
деревьев. Ярина выползла из укрытия и рискнула оглядеться.

Уж лучше бы она этого не делала! Понятно, почему мест-
ные не заглянули в овраг. Они попросту боялись подойти!

Земля скрипела под пальцами — черная, выжженная. Ни
травинки нигде, даже засохшей, только пара мертвых кустов
на склоне. Лес обступал со всех сторон, но держался

подальше, будто боялся оскверненного места. А на дне — черная наледь, от которой веяло жутью. Тут без чародейского чутья ясно — дурное место, гиблое.

Колени дрожали, но Ярина упрямо поднялась, кое-как вытирая рукавом разорванной рубахи кровь с лица. Обереги, нашитые матушкой на кожух, отлетели, на штанах зияли дыры — тяжелое некрашеное полотно не выдержало.

Солнце скрылось за верхушками вековых сосен. От деревьев к оврагу ползли длинные изломанные тени. Того и гляди, им навстречу вылезет какая-нибудь нежить, а знакомиться с ней Ярина не хотела. Встать-то дело нехитрое, а попробуй заберись наверх, когда руки трясутся, а впереди ждет враждебный лес. Но лучше протрястись ночь на дереве, чем украсить осиновый сук рядом с деревней.

Ярина карабкалась, то и дело скатываясь на сырое дно. Злые слезы мешали видеть, она размазывала их по лицу и вновь пыталась выбраться.

Упорства ей было не занимать, поэтому прежде чем соседом в вынужденном убежище стал сумрак, она вылезла и, не оглядываясь, кинулась в чащу. Оказаться бы как можно дальше от проклятого места!

Жаль, поздно. В спину дохнуло могильным холодом, на краю оврага сгустился мрак и потек за ней.

Не останавливаться.

Лед сковывал сердце. Хотелось упасть наземь, притвориться корягой. Но Ярина откинула наваянные мороком мысли — не встанет же потом. Или встанет и присоединится к развеселой компании упырей. А то и чего похуже.

От страха перехватывало дыхание. Тени надвигались. Безмолвные, хищные. Примеривались перед прыжком, играли с ней, ждали, когда кончатся ее невеликие силы.

Мруны так не могли. Им не было дела до чувств, утолить бы вечный голод. А эти наслаждались ужасом.

Укрыться негде! Дыхание kloкотало в груди, Ярина неслась дальше, понимая, что вот-вот упадет замертво. Жаль, нож остался в сумке.

Хотя толку-то от ножа! Сюда бы меч янтарный из сказки, тогда нежить не посмела бы ее тронуть! Но и нож сгодится — жизнь оборвать, чтобы не оставить тварям на поживу ни боли, ни страха.

Мысли мелькали всполохами. Ярина бежала из последних сил. Вот бы речка здесь была, да хоть ручеек чахлый! Но откуда им взяться в чащобе? Через проточную воду выползни овражные не перебрались бы.

Когда перед глазами уже мутилось, лес расступился. Спасение пришло внезапно. За высоким частоколом застыла изба: темная, мертвая. Тишины Ярина не боялась, она и селян бы сейчас не испугалась! Лишь бы не достаться хищным теням.

— Помогите! Откройте! — сорвался с губ истошный вопль.

Ворот не было, она замолотила по частоколу изодранными руками.

— Пожалуйста!

По лицу катились слезы. Когда Ярина представляла смерть, думала, что встретит Переправщицу с достоинством, уйдет без лишних жалоб. Но за спиной стояла не белокошая дева, готовая увести по Темной дороге, а то, что изменит, уничтожит безвозвратно.

Она не хотела с этим мириться!

Внезапно частокол под ладонями исчез, чтобы возникнуть уже за спиной. Неведомые хозяева избушки сжалились.

Однако Ярина не успела этого понять — впервые в жизни лишилась чувств от пережитого страха.

Обычно в сказках прекрасные девы приходят в себя с первыми лучами солнца в объятиях красавца царевича. Ярина, увы, очнулась на стылой весенней земле, с которой едва сошел снег, и не под пение жаворонков, а под глухие шорохи из-за частокола.

Вряд ли обморок продлился дольше пары минут, но тело ломило, пальцы оледенели и едва гнулись. Насилу поднявшись, Ярина бегло осмотрела появившиеся ворота, которых еще недавно не было; двор, здоровенный для лесной сторожки. Да и мрачная изба, такая же мертвая, как и на первый взгляд, больше подходила не охотнику, а отшельнику-чародею. Но если он и жил здесь, то затаился. Небось пожалел, что впустил незваную гостью.

— Есть кто-нибудь? — робко спросила Ярина.

Ответом стала звенящая тишина. Даже нежить за частоколом смолкла.

Зубы клацнули, пришлось изо всех сил сжать челюсти. Ярина дрожащей ладонью отерла залитое кровью лицо и недоверчиво уставилась на пальцы — это ж надо, так оцарапать лоб! Рана пустячная, но кровила сильно, а под рукой ни одной завалящей настойки, запасы остались в сумке, а сумка — в деревне, будь та трижды неладна.

На подгибающихся ногах Ярина двинулась к крыльцу, надеясь дозваться таинственных хозяев. Добротная дверь оказалась заперта, сквозь окна не удалось разглядеть даже очертаний комнаты. Сделаны окошки были на диво: не холстина, как в сельских избах, не слюда, не дорогушие

пластины горного хрусталя. Одна прозрачная поверхность, гладкая и прохладная.

В другое время Ярина бы подивилась, но сейчас усталость брала свое. На боязливый стук никто не отозвался, пришлось взять себя в руки и начать действовать. Сперва поискать колодец — умыться не мешало бы. Судя по неясному отражению в оконце, ее теперь и кикиморой нельзя было назвать, они бы оскорбились сравнению с таким чудищем.

Колодец обнаружился за поленницей, но уж лучше бы его не видеть: от одного взгляда свалявшиеся в колтун волосы встали дыбом, язык прилип к нёбу. И ворот, и оголовок были сделаны из костей!

Месяц серебрил крышу, затейливо украшенную человеческими черепами. Пожелтевшие от времени, они скалились в ночную мглу. Хорошо хоть не светились. Без чародейства явно не обошлось.

Ярина отшатнулась, подавив желание начертать перед лицом охраняющий знак, но справилась с собой и шаг за шагом двинулась к колодцу. Страшно. Но хуже, чем в лесу, вряд ли станет. Подумаешь, черепа!

Ведро, хвала Охранителям, самое обычное, стояло рядом. И веревка к ручке уже прилажена. Ярина, недолго думая, плюхнула его в колодец, внизу булькнуло. Звук был таким привычным, что отогнал веющую жутью тишину.

Ворот шел легко, хоть убедить себя взяться за костяную ручку удалось не сразу. Зато напилась вволю. Вода была сладкая и до того холодная, аж зубы свело.

Потом Ярина долго отфыркивалась и шипела, промывая глубокие царапины на лице и ладонях. Страх отступил: за вечер она набоялась столько, что на год вперед хватит. Но усталость и холод, почуяв, что жертва приходит в себя,

с новой силой впились в тело тысячей иголок. Весна нынче была промозглой, а ночи по-зимнему студеными.

Вода попала за разорванный ворот, ткань мерзко липла к телу. Вздрагивая и ежась, Ярина вновь повернулась к застывшей в ожидании избе.

— Спасибо, что пустили! Не позволите ли переночевать в доме? Отплатить мне нечем, но я отработаю. Я могу...

— Чего орешь? — раздался хриплый неприветливый голос.

С крыльца на нее взидало косматое существо, поблескивая в темноте алыми глазками.

— Сначала спаси ее, потом в избу пусти, — продолжило недовольно бормотать нечто, — мож, тебя еще и накормить да в баньке попарить?

— Если изволишь, дедушка, — спокойно откликнулась Ярина. Домовых она не боялась, всегда относилась с почтением. Что хранитель дома ей не рад, ничуть не удивляло — она и вправду ввалилась среди ночи, наверняка перебудив воплями лесную живность.

— Ишь, наглая! Вы, дуры деревенские, шляетесь где ни попадя, еще требуете чевой-то. Много чести тебе.

На «дуру деревенскую» Ярина отчего-то обиделась. Пусть она и жила почти десять зим в Заболотье, но родилась-то в городе! Она уже открыла рот, чтобы возмутиться, но догадалась — домовый принял ее за одну из местных. Вот только как убедить его в обратном? Начнешь отрицать — не поверит.

— Тогда зачем ты меня спас, дедушка? — осторожно спросила она.

Домовой не смутился и выдал:

— Ежели бы они тебя рядом схарчили, кому хуже-то было б? Ходят тут всякие, оттирай их опосля от забора. На дворе переночуешь, не сахарная.

Ярина содрогнулась, стоило представить, какое живописное пятно красовалось бы на частоколе. Чудом ведь спаслась!

Но дедок не желал сменять гнев на милость.

— А что, дедушка, — вкрадчиво попыталась она, — есть ли другие веси окрест леса? Поприветливей. А то я с Пожарищ еле ноги унесла.

Домовой поднял косматую голову, оживился, и следующий вопрос прозвучал гораздо радушнее:

— Ты откудова будешь?

— Из Белого Бора. — Перед отъездом мать строго-на-строго наказала не сообщать о себе никому и ничего, но нечисть обманывать смысла нет, лучше уж полуправда.

— А звать?

— Ярина.

Вряд ли домашний дух прознает, за какими бесами ее понесло за тридевять земель, и сможет кому-нибудь разболтать.

Домовой нахмурился, что-то припоминая, а спустя миг посветлел лицом:

— Далеко-о ты, девка, забралась. Был я в Белом Бору. Много зим утекло с тех пор. Изволь, заходи.

Дверь отворилась беззвучно. Ярина, еще не в силах поверить, что ночевать будет не на улице, ступила в теплые сени. Знакомый с детства аромат трав окутал мягким платом, вырывая тихий вздох и пробуждая неурочные воспоминания.

— А хозяин против не будет? — осторожно спросила она, смагивая непрошенные слезы.

— Нету хозяйки, — погрустнел домовой и тут же засуетился, подгоняя. — Иди в горницу. Я тебе поесть соберу, баньку истоплю.

— Сам-то ты кто будешь, дедушка? — крикнула вдогонку Ярина, шагая за порог. Чистенькая просторная горница

